

Геннадий Семенович Кучеренко

Д. Дидро и Д. А. Голицын

Французский ежегодник 1984

М.: Наука. 1986. С.203-218

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Публикация социально-политических трудов и переписки Дидро¹, подготовка полного собрания его сочинений, библиография, составленная Ф. А. Спиром², убеждают, сколь огромна и малоизученна тема «Дидро и Россия». Из всех великих французских просветителей только Дидро побывал в России³, изучал русский язык и собрал библиотеку русских книг⁴. Он называл себя «галло-русским философом» и заявлял, что «ни один из трудов, написанных им в Петербурге, не зародился бы у него в Париже»⁵. С его именем связана история Российской Академии наук, Эрмитажа, Академии художеств, русского театра, сооружения памятника Петру I... Один из лучших его портретов написан русским художником Д. Г. Левицким⁶. В библиотеках Советского Союза хранятся книги, которыми некогда владел Дидро, и рукописный макет собрания его сочинений; в архивах — документы, раскрывающие важнейшие стороны его жизни и творчества⁷. Не приходится сомневаться, что дальнейшее использование этих материалов может обогатить научные представления о Дидро и оказать существенную помощь составителям академического издания его трудов.

В творчестве Дидро и в истории русско-французских культурных связей важно то обстоятельство, что «Энциклопедия» содержит более сотни статей о России: ее истории, географии, этнографии, социальной структуре, политических институтах, религиозных верованиях, культуре, быте и т. д.⁸ «Энциклопедию» начали читать в России с 1751 г. В 60—70-х годах 480 статей из нее были переведены на русский язык и изданы отдельными

..

¹ *Diderot D. Oeuvres politiques/Ed. de P. Vernière. P., 1963; Idem. Mémoires pour Cathérine II/Texte établi d'après l'autographe de Moscou, avec introduction, bibliographie et notes par P. Vernière. P., 1966; Idem. Correspondance/Etablie et annoté par G. Roth, J. Varloot. P., 1953—1970. Vol. 1—16. (Далее: Diderot D. Corr.)*

² *Spear F. A. Bibliographie de Diderot: Répertoire analytique international. Genève, 1980.*

³ См.: *Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884; Он же. Екатерина II и Дидро.* — В кн.: Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 4; *Молок А. И. Дидро в России.* — В кн.: Дидро Д. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1935—1947. Т. 10.

⁴ См.: *Порте. Русские книги Дидерота в Париже.* — В кн.: Временник общества друзей русской книги. Париж, 1932; *Чучмарев В. И. Французские энциклопедисты XVIII в. об успехах развития русской культуры.* — *Вопр. философии*, 1951, № 6; *Он же. Об изучении Дидро русского языка.* — Там же, 1953, № 4 (фр. пер.: *Pensée*, 1954, janv.—fevr.); *Proust J. La grammaire russe de Diderot.* — *Revue d'histoire littéraire de la France*, 1951 juill.—sept.; *Алексеев М. П. Д. Дидро и русские писатели его времени.* — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1958. Вып. 3; *Basanoff A. La Bibliothèque russe de Diderot.* — Association de bibliothécaires français. — *Bulletin d'information*, 1959, N 29.

⁵ *Diderot D. Corr.*, vol. 13, p. 109.

⁶ Ныне находится в Женевском музее.

⁷ См.: *Георги П. Г. Описание Российского города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Ч. 2; Бич О. И. Судьба библиотеки Дидро.* — *Ежегодник Гос. Эрмитажа*, 1937, т. 1, вып. 2; *Люблинский В. С. По следам чтения Дидро.* — В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1961; *Павлова Ж. К. Из истории книжного собрания Эрмитажа.* — *Труды Гос. Эрмитажа*, 1975. Т. 16; *Альбина Л. Л. Поиски библиотеки Дидро.* — В кн.: Федоровские чтения, 1979. М., 1982; *Шаркова И. С. Новое о библиотеке Дидро.* — В кн.: Русские библиотеки и их читатели. Л., 1983; *Люблинская А. Д. Западные рукописи в ленинградской публичной библиотеке.* — *Сов. наука*, 1940, № 9; *Tourneax M. Les manuscrits de Diderot conservés en Russie. P., 1885 (2 éd.—1967); Vernière P. Diderot: Les manuscrits et ses copistes. P., 1967.*

⁸ *Коробочко А. И. Энциклопедия Дидро в России.* — *Труды Гос. Эрмитажа*, 1975. Т. 16.

тематическими сборниками⁹. Тогда же переводились и печатались отдельные труды Дидро¹⁰. Изучение данных о распространении этих сочинений в России имеет немалое значение и для биографии Дидро, и для истории русского Просвещения.

«Энциклопедия» свидетельствует, что интерес Дидро к России восходит к концу 40-х — началу 50-х годов XVIII в. Из его переписки следует, что в 60—70-х годах он поддерживал многообразные личные связи с дипломатами и государственными деятелями России, с видными представителями русской культуры. Отметим также, что удельный вес статей о России в 8—17-м томах «Энциклопедии», вышедших в 1758—1765 гг., больший, чем в 1—7-м томах, изданных в 1751—1757 гг. Судить об этом позволяет список, составленный А. И. Коробочко¹¹. Во время путешествия по маршруту Париж—Гаага—Петербург—Гаага—Париж в 1773—1774 гг. и в последующие годы Дидро создал многие свои политические сочинения. Самые значительные из них «Записки для Екатерины II» и «Замечания на „Наказ“» — одна из вершин его творчества как политического мыслителя, сгусток накопленных годами знаний о русской действительности, итог долгих раздумий о России, ее судьбах и месте в мире. Эти знания черпались из книг, например из «Истории Петра Великого», написанной Вольтером в сотрудничестве с русскими учеными, из статей Луи де Жокура для «Энциклопедии», из бесед с русскими знакомыми, из раэказов посетивших Россию соотечественников и из наблюдений русской жизни во время поездки в Петербург и пятимесячного пребывания в нем.

Среди русских собеседников Дидро особое место занимает Дмитрий Алексеевич Голицын. В течение многих лет они поддерживали деловые связи, их сближали научные и издательские замыслы, созвучие устремлений, чувство взаимного уважения и дружбы.

С 1754 г. Д. А. Голицын жил в Париже, в 1760 г. стал сотрудником русского посольства, в 1763—1767 гг. был послом России во Франции, в 1769—1782 гг. — в Нидерландах¹². Службу на дипломатическом поприще он успешно сочетал с посещением парижских салонов, особенно салона мадам Жоффрен, собраний физиократов у Мирабо, с плодотворными научными и литературными занятиями. Его труды получили широкое признание: их автор был избран членом Академии наук Петербурга, Брюсселя, Стокгольма и Берлина, ряда научных обществ. Д. А. Голицын выступил в числе создателей русской эстетической теории XVIII в., развивая применительно к российской действительности идеи, близкие «Опыту о живописи» Дидро¹³. Основываясь на идеях физиократов, он одним из первых в России критиковал крепостное право и предлагал ряд мер, направленных на развитие буржуазного уклада в крестьянском хозяйстве. Д. А. Голицын издал труд Гельвеция «О человеке». Перед тем он составил и переслал в Россию краткий конспект трактата, дабы дать о нем «общее представление» Екатерине II и ее окружению. В решении общефилософских вопросов Д. А. Голицын был близок к французским материалистам XVIII в.¹⁴

⁹ Штрагге М. М. «Энциклопедия» Дидро и ее русские переводчики. — В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1961; Berkov P. N. Histoire de l'Encyclopedie dans la Russie du XVIII siècle. — Revue des études slaves, 1965, t. 44; Ревуленкова Н. В. О переводах Энциклопедии на русский язык. — В кн.: История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978.

¹⁰ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. М., 1962. Т. 1; Светлов Л. Б. Русские переводы произведений Дидро. — В кн.: Французский ежегодник, 1965. М., 1966.

¹¹ Им установлено, переведено на русский язык и расположено в порядке алфавита 111 названий. См.: Коробочко А. И. Указ. соч., с. 78—79.

¹² См.: Цверева Г. К. Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985, с. 19—49.

¹³ См.: Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII в. М., 1983, с. 107—108.

¹⁴ См.: Бан И. С. Дмитрий Алексеевич Голицын (философские, общественно-политические и экономические воззрения). — Ист. зап., 1947; Рачинский А. В. Мысль об освобождении русских крестьян в XVII и XVIII столетиях: По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. — Рус. вестн., 1876, т. 121, февр., с. 856—872; Он же. Пять писем князя Д. А. Голицына вице-канцлеру князю

В осуществлении русско-французских культурных связей в 30—40-х годах XVIII в. видную роль играли В. К. Тредиаковский и А. Д. Кантемир, в 50-х — И. И. Шувалов, в 60-х — начале 70-х годов — Д. А. Голицын. Значение его деятельности было особенно велико, так как в то время русско-французские отношения серьезно осложнились.

Дидро и Голицын познакомились, по всей вероятности, в конце 50-х годов. Во всяком случае, уже в 1757 г. будущий русский посол стал частым гостем мадам Жоффрен¹⁵. Постоянным посетителем ее салона был, как известно, и главный редактор «Энциклопедии». Здесь и могла состояться их первая встреча. Вот самое раннее упоминание о Голицыне в письмах Дидро: «Время от времени, — писал он Софи Волап 28 сентября 1761 г., — я принимаю двух юных немцев. Оба мальчика чрезвычайно любезны и прекрасно образованы. Тот и другой¹⁶ служили в русском посылстве, у князя Голицына»¹⁷.

Связи Дидро с русским дипломатом упрочились с лета 1762 г., когда тот получил от своего правительства поручение вступить с философом в переговоры о перенесении издания «Энциклопедии» в Россию. Вот что писал 3 октября глава энциклопедистов С. Волап: «Забыл Вам сказать, что недели две назад я получил через князя Голицына приглашение ныне царствующей русской императрицы приехать в Петербург для завершения нашей работы. Предлагается полная свобода, покровительство, почести, деньги, звания — словом, все, что может служить соблазном покинуть родину для людей, недовольных ею и лишенных настоящей привязанности к друзьям»¹⁸. То же самое предложение Дидро передал через Вольтера И. И. Шувалов.

Дидро не воспользовался столь заманчивым приглашением, ибо не хотел уезжать из Франции, не мог нарушить договорные обязательства с издателями и, видимо, как и другие просветители, не был тогда уверен в прочности положения Екатерины II на русском престоле¹⁹. Однако можно не сомневаться, что оно усилило его интерес к России. «Я провел утро, — писал он в 1763 г., — в мастерской Вассе. Он создал проект аудиенц-зала для русской императрицы... и хотел знать мое мнение о своем произведении. Гримм и я пошли взглянуть на него»²⁰. Отметим, что на Салон 1763 г. скульптор Вассе представил статую «Женщина, плачущая над урной» — надгробный памятник первой жене Д. А. Голицына; Дидро упоминал о нем в одном из своих знаменитых «Салонов».

В 1765 г. именно Д. А. Голицын убедил петербургский двор приобрести библиотеку и рукописи Дидро²¹. С этого времени их отношения становятся особенно близкими, сердечными, подлинно дружескими. Российский посол и его влиятельный друг всемерно способствовали поездкам в Россию французских художников, артистов и ученых, а также русским закупкам во Франции картин и других художественных ценностей. Переговоры с Э. Фальконе в 1766 г. завершились путешествием замечательного скульптора в Петербург и сооружением известного всему миру па-

А. М. Голицыну. — Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1881, вып. 2, с. 84—106; Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века.: В 2-х т. М., 1952, т. 2, с. 33—45; Рачинский А. В. Русские ценители Гельвеция в XVIII в.: По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. — Рус. вестн., 1876, т. 121, май, с. 285—307.

¹⁵ См. письма Т. Жоффрен Д. А. Голицыну от 6 мая 1774 г. и Д. А. Голицына А. М. Голицыну от 17 мая 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1124, л. 79.

¹⁶ Один из них — Николай, будущий личный секретарь Павла I.

¹⁷ *Diderot D. Corr.*, vol. 3, p. 321.

¹⁸ *Ibid.*, p. 185.

¹⁹ *Дуннов И. К.* Дени Дидро. М., 1960, с. 99—100.

²⁰ *Diderot D. Corr.*, vol. 5, p. 50.

²¹ См., например: И. И. Бецкой — М. Гримму, 16 марта 1765 г.; Д. Дидро — С. Волап, 10 декабря 1765 г. — *Diderot D. Corr.*, vol. 5, p. 26, 217; И. И. Бецкой — Д. Дидро, 30 сентября 1766 г.; Д. Дидро — И. И. Бецкому, 29 ноября 1766 г. — *Ibid.*, vol. 6, p. 354, 359; Дидро — Гено де Монбейеру, январь 1767 г. — *Ibid.*, vol. 7, p. 15; *Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des ouvrages de Diderot par Madame Vandeul, sa fille.* — *Mémoires, correspondance et ouvrage inédits de Diderot.* In: 4 vol. P., 1830—1831, vol. 1, p. 44—45.

мятника Петру I²². В итоге бесед Дидро, Д. А. Голицына и русского посла в Испании Штакельберга с Мерсье де ла Ривьером этот выдающийся экономист летом 1767 г. отправился в Россию, имея замыслы ее широких преобразований. Миссия его, однако, по ряду причин потерпела неудачу²³. При содействии Дидро Д. А. Голицын купил для Екатерины II знаменитую галерею барона Тьера, включавшую 400 полотен выдающихся живописцев, 1800 рисунков, в том числе 5 картин Рафаэля, 1 — Микеланджело, 15 — Рубенса, 10 — Тициана, 2 — Дюрера, 3 — Корреджо. 6 — Пуссена, 3 — Клода Желе, работы Рембрандта, Ван Дейка²⁴ и др., редкие книги по искусству, коллекции драгоценных камней. Вместе с аналогичными, хотя и не столь крупными приобретениями, сделанными Голицыным и Дидро в 1765—1775 гг., они составили весьма существенную часть собраний Эрмитажа²⁵.

В 1765—1768 гг. Дидро часто бывал у Д. А. Голицына, иногда их встречи затягивались до утра. Философ высоко ценил человеческие достоинства друга, его увлеченность искусством, преданность идеалам Просвещения. В письме к Фальконе от 24 декабря 1766 г. он отметил, что Д. А. Голицын «самый прекрасный из людей, созданных когда-либо небом; он счастлив, если мы счастливы; он такой же, как и мы»²⁶. Позднее он писал С. Волан: «Князь — сама простота. Никто меньше него не кичится значительностью своего положения и знатностью рода. Он инстинктивно верует в равенство; это лучше, чем исповедовать его лишь после долгих размышлений. При выходе из его дома... где мы обедали, он сказал мне: „Вы простой человек, по пройдете первым“. Дворец от хижины, по его мнению, отличается только внешним видом. Нравы князя столь же просты, как и его одежда»²⁷.

О близости двух друзей позволяют судить письма Дидро к С. Волан и Э. Фальконе. Из них следует, что великий просветитель был хорошо осведомлен о личных делах Д. А. Голицына, тяжело переживал отстранение его от обязанностей посла во Франции (сентябрь 1767 г.) и отъезд из Парижа (май 1768 г.)²⁸. «Мы потеряли, — писал он Фальконе в мае 1768 г., — князя Голицына. Этот благородный человек снискал уважение всех честных людей; он жил с литераторами одной жизнью, и они любили и почитали его так же, как он любил и почитал их. Что касается художников, то и они без ума от него. Ничего не буду говорить Вам о нашем расставании. К концу пребывания князя в Париже мы молчали и грустили, стараясь не думать о самой причине наших переживаний... Только накануне отъезда... мы посмотрели друг другу в глаза и разрыдались. Я никогда этого не забуду. Я жалел о нем все эти дни»²⁹. Дидро сочувственно следил за судьбой отставного дипломата, радостно воспринял весть о его женитьбе на графине Амелии Шметтау (август 1768 г.), о поездке Голицына с женой в Петербург (весна — лето 1769 г.) и о назначении его послом в Гаагу (сентябрь 1769 г.)³⁰. В 1768—1769 гг. и в последующие годы Дидро и Д. А. Голицын постоянно переписывались. Однако их корреспонденция, кроме трех писем философа, исследователям неизвестна.

²² См.: И. И. Бецкой — Д. Дидро, май 1766 г.; Д. Дидро — И. И. Бецкому, 28 и 31 августа 1766 г. — *Diderot D. Corr.*, vol. 6, p. 180, 182; Д. А. Голицын — Н. И. Панину, 31 августа и 7 сентября 1766 г. с приложением договора, заключенного между Э. Фальконе и Д. А. Голицыным 27 августа того же года; Д. А. Голицын — А. М. Голицыну, 31 августа, 10 сентября, 13 сентября и 12 октября 1766 г.; А. М. Голицын — Д. А. Голицыну, 15 сентября, 10 и 21 октября 1766 г. — Сборник Русского исторического общества. СПб., 1878, т. 17, с. 377—385. (Далее: РИО).

²³ *Diderot D. Corr.*, vol. 7, p. 84—85; см. также записку Екатерины II Н. И. Панину. — РИО, 1872, т. 10, с. 240; переписку Екатерины II с Э. Фальконе, октябрь—ноябрь 1767 г. — РИО, т. 17, с. 21, 25—26.

²⁴ *Diderot D. Corr.*, vol. 10, p. 218, 251—252; vol. 12, p. 11—12, 85—92, 143; vol. 16, p. 74—84.

²⁵ См.: *Стасов В. В.* Древняя и новая Россия. СПб., 1877, т. 1, с. 330, 333, 350 и др.

²⁶ *Diderot D. Corr.*, vol. 6, p. 372.

²⁷ *Ibid.*, vol. 7, p. 146.

²⁸ *Ibid.*, p. 110—153.

²⁹ *Ibid.*, vol. 8, p. 27—28.

³⁰ *Ibid.*, p. 85, 107; vol. 9, p. 150.

Общение с Д. А. Голицыным, частые почные беседы с ним содействовали углублению интереса Дидро к России. В письме к Фальконе от 29 декабря 1766 г. он намекал на возможность своей поездки в Петербург и осуществления там некоего, задуманного им проекта³¹. 5 февраля 1767 г. он благодарил Петербургскую Академию художеств за честь, которую она ему оказала, избрав своим почетным членом, и спрашивал, по какому классу он в нее принят³². Спустя два месяца в письме к Фальконе он неодобрительно отзывался о тех, кто замечал в действительности России лишь теневые стороны и не обращал внимания на происходящие в ней перемены³³.

В свою очередь, постоянные связи и дружба с великим французским мыслителем оказали на Д. А. Голицына глубокое влияние. В течение 1765—1770 гг. он отправил своему троюродному брату вице-канцлеру А. М. Голицыну³⁴ семь записок по крестьянскому вопросу. Их читали Н. И. Панин, Екатерина II; императрица оставила на них свои пометы³⁵. В записках автор осуждал крепостное право и призывал освободить крестьян от личной зависимости. Дворяне сохранили бы, по его замыслу, собственность на землю, а крестьяне становились бы свободными арендаторами. Это был дворянско-либеральный проект решения аграрного вопроса в России, рассчитанный на развитие капиталистических отношений.

В 1766 г. Д. А. Голицын представил в Петербургскую Академию художеств записку «О пользе, славе и пр. художеств». В ней он проводил мысль, что благосостояние народа является необходимым условием для развития искусств, что деспотия препятствует, а просвещенная монархия способствует процветанию всех его видов. Кроме того, необходимо также, чтобы художники имели материальный достаток и пользовались уважением. Вслед за Дидро Д. А. Голицын основным эстетическим принципом провозглашал целесообразность и пристойность, что предполагает устремленность к естественности, простоте и строгому следованию натуре, точное соответствие художественного произведения его назначению и заложенной в него моральной идее, недопустимость изображать то, что вызывает отвращение³⁶. Записка обсуждалась на совете Академии, но в нарушение обычных правил не была опубликована. Д. А. Голицын знакомил с ней студентов Академии, прибывающих на стажировку в Париж. Об этом рассказали в 1767 г. Ф. Шубин, П. Гринев и Ив. Иванов в отчете о поездке во Францию. 19 июня Д. А. Голицын их принял, обещал свое покровительство и «в то же время изволил послать лакея просить господина Дидерота, чтобы к нему приехал, а с нами между тем изволил разговаривать. И читал нам свои сочинения...»³⁷. Так, Д. А. Голицын и Дидро участвовали в воспитании русских художников. Их было тогда в Париже 28 человек.

Когда Голицын стал послом в Гааге, его связи с Дидро не прерывались, послужив традициям дружбы России и Франции в пору обострения их межгосударственных противоречий. Об отношениях Дидро и Голицына в 1770 г. некоторое представление дают письма философа третьим лицам. В марте он сообщал сестре: «Князь заказал (Гудону.— Г. К.) мой бюст. Вы просили его у меня; я его Вам посылаю»³⁸. В сентябре Дидро жало-

³¹ Ibid., vol. 6, p. 374.

³² Ibid., vol. 8, p. 28.

³³ Ibid., p. 53—54.

³⁴ В книге Г. К. Цверева (Указ соч., с. 6) вице-канцлер А. М. Голицын назван не троюродным братом, а троюродным дядей Дмитрия Алексеевича.

³⁵ См.: *Рагинский А. В.* Мысль об освобождении русских крестьян в XVII и XVIII столетиях, с. 856—872; *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.*: В 2-х т. М., 1952, т. 2, с. 33—45.

³⁶ См.: *Памятники мировой эстетической мысли*: В 4-х т. М., 1964, т. 2, с. 765—767. Подлинники хранятся в ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, 1766, № 25.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, 1767, № 47 (цит. по: *Молева Н., Белогин Э.* Педагогическая система Академии художеств. М., 1956, с. 70).

³⁸ *Diderot D. Corr.*, vol. 10, p. 40.

вался Гримму: «Получил здесь (в Лаангре.— Г. К.) огромный пакет с письмами; среди них нет ни одного от князя Голицына и Дижона (родственник С. Волан.— Г. К.). Это молчание меня беспокоит»³⁹. В ноябре он сообщил Ж. де Вэну, государственному деятелю, покровителю и другу многих просветителей: «Написал Голицыну, чтобы узнать, собирается ли русская императрица создавать кабинет по естественной истории»⁴⁰.

Русский посол в Гааге с января 1772 г. начал долгую переписку с А. М. Голицыным о посмертном издании сочинения К. Гельвеция «О человеке»⁴¹. По всей вероятности, рукопись ему была передана аббатом де ла Роком⁴². Приступая к делу, Д. А. Голицын составил краткий ее конспект, сумел заинтересовать им Екатерину II и в конце концов добился ее полуофициального согласия на печатание. Книга была опубликована в Гааге весной 1773 г.⁴³, незадолго до приезда Дидро. Издатель получил благодарственное письмо Вольтера. «Вы,— писал он Д. А. Голицыну 19 июня 1773 г.,— оказываете огромную услугу разуму, перепечатывая книгу покойного Гельвеция»⁴⁴.

Дидро прибыл в Гаагу 15 июня 1773 г., остановился в доме друга. Через три дня он писал С. Волан: «Чувствую себя хорошо. Князь принял меня так, как я надеялся. Княгини нет, она гостит у родителей в Германии. Князь уверяет, что если я уеду, не познакомившись с нею, то это будет причиной их развода. Мы ведем жизнь холостяков... У меня прекрасные апартаменты... У нас самые разнообразные замыслы. Я хочу хорошо поработать»⁴⁵. Это желание в полной мере осуществилось. Здесь Дидро начал переговоры с М. Реем об издании собрания своих трудов, составил вторую редакцию «Парадокса об актере», начал «Племянника Рамо» и «Жака фаталиста», по накопился через Д. А. Голицына с голландским просветителем Ф. Хемстерхейсом и частично написал замечания к его «Письму о человеке»⁴⁶, трудился над комментариями к трактату Гельвеция «О человеке», которые легли в основу его знаменитого «Опровержения». Любопытно в последней связи донесение французского посла в Гааге графа Ноалиса герцогу д'Эггьюну от 19 сентября 1773 г. Сообщив с некоторым недоумением, что новый труд Гельвеция посвящен Екатерине II и усиленно распространяется «ее министром в Гааге», он заметил: «Дидро находится сейчас в дороге, направляясь в Петербург, в июне он приезжал в Гаагу и два месяца провел с князем Голицыным. Я подозреваю, что автор предисловия Дидро. Твердо поручусь в одном: если и не он написал это предисловие, то мысли, которые оно содержит, высказывались им в Гааге, и следовательно, он злоупотребил доверием министра такой государыни, как Екатерина II»⁴⁷.

Отношения Дидро и Д. А. Голицына в июне—августе 1773 г. стали еще более близкими, чем прежде. Они вместе встречали в Ультрехте А. Голицыну, возвращавшуюся в Гаагу из Германии⁴⁸. 22 июля он писал С. Волан: «Княгиня вернулась из путешествия; она очаровательна и умна... Когда она знает предмет и чувствует свою правоту, то спорит, как маленький лев. Я живу у князя и княгини, как у добрых брата и сестры... Здесь умеют распорядиться своим временем. Никто не докучает вам по утрам.

³⁹ Ibid., p. 127.

⁴⁰ Ibid., p. 184.

⁴¹ См.: Рачинский А. В. Русские ценители Гельвеция..., с. 285—302; Силин М. А. Клод Апри Гельвеций. М., 1958, с. 137—145. Прил. 2.

⁴² Keim A. Helvetius. Sa vie et son oeuvre. P., 1907, p. 507.

⁴³ De l'Homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation, ouvrage posthume de M. Helvetius. La Haye, 1773. Т. 1—2. (2 éd.— La Haye, 1773; 3 éd.— Londres, 1773). 2-е и 3-е издания содержат посвящение Екатерине II.

⁴⁴ Цит. по: Рачинский А. В. Русские ценители Гельвеция..., с. 295, 301.

⁴⁵ Diderot D. Corr., vol. 13, p. 16.

⁴⁶ Hemsterhuis F. Lettre sur l'homme et ses rapports, avec le commentaire inédit de Diderot/Texte établi, présenté et annoté par G. May. New Haven; Paris, 1964; Алатри П. Неизвестная работа Дидро.— В кн.: Французский ежегодник, 1965. М., 1966.

⁴⁷ Цит. по: Diderot D. Corr., vol. 13, p. 56.

⁴⁸ Ibid., p. 23.

Вот только беда, что поздно ложатся спать и поздно встают. Жизнь наша течет спокойно, строго и уединенно»⁴⁹.

Вероятно, в затягивавшихся вечерних беседах друзья касались — не могли не касаться — предстоящей поездки Дидро в Россию. Д. А. Голицын официально никому не сообщил о его прибытии в Гаагу, чем вызвал раздражение императрицы. О своем госте он известил лишь Терезу Жоффрен (не позднее 26 июня) и Этьена Фальконе (в конце июня), причем высказал сомнения, что тот продолжит путешествие, отправившись из Голландии в Россию⁵⁰. Слово не ведая о пребывании знаменитого философа в Нидерландах, русский посол уверил 29 июня 1773 г. вице-канцлера А. М. Голицына: «Здесь н.т. абсолютно никаких новостей, достойных даже мимолетного Вашего внимания»⁵¹. Однако через три дня он все-таки написал родственнику и о Дидро, не назвав его имени, и о беседах с ним: «Господин Грибонвиль только что передал мне окончательный ответ относительно крупного инженера⁵². Я и сам просил его об этом, и через одного из наших друзей. С недавних пор этот друг находится в Гааге. Он весьма удручен мыслью о том, что возраст, рукописи и еще некоторые обстоятельства могут вынудить его отказаться от чести, которую мы ему оказали, пригласив на службу ее императорскому величеству. С величайшей готовностью он хотел бы принять наше предложение, ибо оно давало полную возможность показать своим неблагодарным соотечественникам, преследовавшим его и терзавшим, что может обойтись без них и что в другой стране, а не на родине ему удалось снискать почет и уважение»⁵³.

Этот архивный документ позволяет судить о мотивах поездки Дидро в Россию и об окончательно сложившемся в Гааге решении великого просветителя отказаться от службы русской царице. Письмо мадам Хогендорп мужу от 19 июля 1773 г. свидетельствует, что Дидро утвердился тогда в намерении отправиться в Петербург лишь на короткое время. Из этого же письма явствует, что в доме князя Голицына он читал очень узкому кругу лиц какие-то свои работы; нельзя исключить, что некоторые из них были связаны с содержанием предстоящих бесед Дидро и Екатерины II. «Самое любопытное в Гааге, — писала мадам Хогендорп, — это пребывание Дидро. Он приехал к князю Голицыну... Вижусь с ним ежедневно... Каждый вечер я приезжаю к княгине и мы вчетвером проводим время в ее комнате. Поговорив немного с нами, Дидро затем читает ту или иную из своих заметок*. В начале августа он отбывает в Россию; в январе на короткий срок вернется в Гаагу. Потом отправится в Париж, чтобы устроить свои дела, и снова, на этот раз надолго, водворится у князя Голицына. Вот его нынешние замыслы; не знаю, как они осуществляются»⁵⁴.

Здесь же, в Гааге, Дидро навсегда оставил мысль о возможности принять приглашение Фридриха II и по дороге в Россию или на обратном пути хотя бы заехать в Берлин. Как писал позднее М. Гримм, княгиня А. Голицына летом 1773 г. убедила философа, что в Пруссии его «презирают и ненавидят»⁵⁵.

Итак, в Гааге окончательно определилось намерение Дидро: он отказывается от службы при русском дворе, пробудет в Петербурге около трех месяцев и не поедет в Берлин. По всей вероятности, Д. А. Голицын и Дидро опасались, что в целом подобный замысел окажется неприемлемым для Екатерины II. Именно поэтому посол больше двух недель ничего не сообщал о своем госте, затем, на всякий случай, писал, что по состоянию здоровья тот вообще может не поехать в Петербург, и наконец в письме

⁴⁹ Ibid., p. 32.

⁵⁰ Ibid., p. 9. 27—29; РИО. т. 17 с. 192.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1122, л. 133.

⁵² С января 1773 г. Д. А. Голицын по поручению правительства искал для службы в России «крупного инженера» (см.: Там же, л. 13).

⁵³ Там же, д. 1123, л. 1—2

* «...l'une ou l'autre brochure de sa composition».

⁵⁴ *Diderot D. Corr.*, vol. 13, p. 30—31.

⁵⁵ М. Гримм — Нессельроде, 28 декабря 1773 г. — Ibid., p. 139.

А. М. Голицыну от 2 июля 1773 г. пытался объяснить причины принятого философом решения.

Почта из Гааги в Петербург шла в то время 17—20 дней, столько же требовалось на обратную дорогу. Так что ответа на письмо от 2 июня можно было ждать только после 6 августа. Никаких указаний из Петербурга, смысл которых сводился бы к тому, что раз Дидро не желает служить при русском дворе, то он может не затруднять себя и путешествием в Россию, Д. А. Голицын между 6 и 20 августа 1773 г. не получал. Видимо, и ограниченный по времени визит великого просветителя в столицу Российской империи отвечал многосложным целям внутренней и внешней политики Екатерины II. Не приходится сомневаться — и пример Дидро это доказывает, — что в период обострения русско-французских противоречий подержанию связей с Францией в научной и культурной областях государственные деятели России придавали большое значение. Решение Дидро не было воспринято в Петербурге как дерзость еще и потому, что он отказался заехать к Фридриху II хотя бы на один день и что философ еще с 1765 г. состоял на русской службе, получая вознаграждение в качестве пожизненного хранителя его собственной библиотеки, купленной Екатериной II.

Большое внимание культурным и научным обменам с Россией уделяли и видные французские политики. Любопытно в данной связи свидетельство М. Гримма: «Люди, которые говорили, будто во Франции противились путешествию Дени, не то чтобы лгали, но утверждали нечто такое, чего не было. Герцог д'Эгийон, став министром, всегда считал своей заслугой участливое отношение к Дени. При отъезде Дидро он ему сказал, что не просто поддерживает, но и самым решительным образом одобряет это путешествие»⁵⁶.

Разумеется, тогдашний министр иностранных дел Франции не решился бы столь «участливо отнестись» к Дидро, если бы тот бросил вызов соотечественникам, отправляясь служить русской царице. Другое дело — ограниченный по времени визит: он мог стать не только важным событием в культурной жизни Франции и России, но и средством для ведения неофициальных переговоров о возможности улучшения политических отношений двух стран. В Париже Дидро получил полномочия на такие переговоры, в Петербурге он вел их с Екатериной II под наблюдением французского посла Дюрана⁵⁷.

Само собой разумеется, что и Д. А. Голицын был приверженцем всемерного развития дружественных отношений между Россией и Францией. Для него любое по длительности пребывание Дидро в Петербурге было важным, а главное состояло в том, чтобы его друг наилучшим образом подготовился к предстоящим там беседам. В этом смысле очень существенно свидетельство источника о заметках, которые Дидро читал супругам Голицыным и мадам Хогендорф. Можно предположить, что среди них были тексты, которые философ, готовясь к встрече с императрицей и ее приближенными, писал в Париже, дополнял и изменял в Гааге, а также во время путешествия в Петербург и пребывания в нем; в окончательном виде как итог длительной работы они вошли в знаменитые «Записки Екатерине II»⁵⁸. Такое предположение не противоречит ни логике научного творчества, ни характеру «Записок», ни обстоятельствам жизни их автора.

Дидро выехал в Петербург 20 августа. Его путешествие и пребывание в столице Российской империи подробно описаны в литературе⁵⁹. Его связи с Д. А. Голицыным были в то время минимальны. Друзья, по-види-

⁵⁶ М. Гримм — Нессельроде, 6 марта 1774 г. — Ibid., p. 202—203.

⁵⁷ См.: Вильбасов В. А. Екатерина II и Дидро, с. 453—457 и др. (выдержки из посланий по этому вопросу Дюрана и д'Эгийона).

⁵⁸ *Diderot D. Mémoires pour Cathérine II.*

⁵⁹ Основные работы упомянуты выше; см. также: Райский Б. Г. Дидро и братья Нарышкины: Страницы из истории французо-русских культурных связей. — В кн. Французский ежегодник, 1982. М., 1984.

тому, не писали друг другу; во всяком случае, корреспонденция их не найдена. Впрочем, послания, которые Дидро получал в Петербурге, шли через Гаагу, через Голицына. Прощальное письмо Дидро Екатерине II — свидетельство того, что события петербургского периода жизни философа не ослабили его давних дружеских уз с Д. А. Голицыным: «Я проживу три месяца в Гааге у князя Дмитрия, Вашего министра и моего друга.. [это] один из самых ревностных Ваших подданных и один из самых верных Ваших слуг... Он деятелен, умен, трудолюбив и честен... у него есть дети... он небогат и уповаеа на благоволение государыни, которая уравниет его с другими министрами, а от моеи дружбы ждет, что я осмелюсь ходатайствовать об этом»⁶⁰.

Вернулся Дидро в Гаагу 5 апреля 1774 г. и пробыл здесь до конца сентября. На этот раз о приезде друга Д. А. Голицына немедленно оповестил вице-канцлера. «Господин Дидро с господином Балли входят в данную минуту в мой дом», — писал он 5 апреля. О возвращении философа в Нидерланды он извещал А. М. Голицына еще три раза: 8 и 12 апреля и 13 мая 1774 г. К посланию от 13 мая прилагались выдержки из немецких и французских газет о причинах отъезда Дидро из Петербурга⁶¹. И на этот раз ему оказали радушный прием. «Князь и княгиня, — писал Дидро жене 9 апреля, — ждали меня с нетерпением и приняли с выражением самой искренней и трогательной дружбы»⁶².

И на этот раз Дидро много работал в Гааге. Он готовил к изданию уставы учебных заведений, основанных Екатериной II, написал главные свои социально-политические сочинения, завершил работу над трудами, начатыми летом 1773 г., обсуждал проект публикации в России нового издания «Энциклопедии». Д. А. Голицын был сторонником этого начинания. Об этом свидетельствует его довольно трудное для понимания письмо вице-канцлеру от 12 апреля 1774 г.: «Я получил письмо от 11 марта, которым Вы меня почтили. Вы правильно судите, предположив, что я беседовал с господином Дидро и что мы много говорили о Вас. Я очень рад, что он удостоился Вашего расположения. Ну и Вы тем самым обрели в нем чрезвычайно преданного Вам человека. Смею заверить, что он Вас почитает и боготворит больше, чем я способен это выразить. Разумеется, поручение, которое Вы ему дали, необычно *. Однако я его не одобряю ровно настолько, насколько не вижу возможности выделить [для него даже. — Г. К.] небольшую сумму. Точно опишу Ваш собственный случай, 100 тыс. рублей, которые для братьев...** должны стать прибылью от некоего предприятия, нельзя, как мне кажется, считать деньгами надежными и легкими, если думать, что подписчиков не будет. Однако их достаточно и, готов держать пари, будет еще больше. Так что деньги вернутся братьям... легко превысят сумму в 100 тыс. рублей и, быть может, значительно превысят ее»⁶³. Речь, по всей вероятности, идет об «Энциклопедии» и о попытке Д. А. Голицына материально заинтересовать своего чиновного родственника в ее переиздании.

Во время второго пребывания в Гааге Дидро завершил первую редакцию своих «Замечаний на „Наказ“ Екатерины II»⁶⁴. Касаясь истории этого сочинения, П. Верньер и издатели переписки Дидро приводят следующие свидетельства и факты. В письме Дидро Екатерине II от 13 сентября 1774 г., poslanном из Гааги, сказано: «Я перечитал Ваш Наказ депутатам собрания, которое Вы созвали для выработки законов; я дерзнул перечитать его с пером в руках». 17 октября того же года Дидро писал царице уже из Парижа: «Здесь льстят себя надеждой, что Ваше Императорское Величество вновь обратилось к своему проекту законо-

⁶⁰ РИО, 1878, т. 23, с. 506—507.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1124, л. 46, 50а, 51, 77—78.

⁶² *Diderot D. Corr*, vol. 13, p. 229.

* Речь идет о заказе надгробного памятника для А. М. Голицына.

** Далее имя неразборчиво, видимо, речь идет о банкирском доме.

⁶³ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1124, л. 51

⁶⁴ *Diderot D. Oeuvres politiques*, p. 335—458.

дательства. Это заставило меня перечитать Ваш Наказ; я осмелился набросать к нему несколько размышлений»⁶⁵.

Лишь после кончины Дидро и прибытия в Петербург его библиотеки и рукописей Екатерина II в письме Гримму от 23 ноября 1785 г. выразила свое отношение к этим размышлениям: «В каталоге библиотеки Дидро я нашла тетрадь, озаглавленную „Замечания на „Наказ“ ее Императорского Величества депутатам для составления законов“. Это настоящий детский лепет, в котором не сыщешь ни знания обстоятельств, ни благоразумия, ни предусмотрительности. Будь мой „Наказ“ во вкусе Дидро, он перевернул бы Россию вверх дном. Я утверждаю, что мой „Наказ“ не просто хорош, он превосходен и точно соответствует обстоятельствам, ибо на протяжении 18-ти лет своего существования не принес никакого зла. Более того, все добро, проистекшее с тех пор и почитавшееся таковым в целом свете, порождено принципами, установленными данным „Наказом“. Критика легка, тяжело искусство, вот что можно сказать, прочитав «Замечания» философа, которому на всю жизнь хватило благоразумия жить под покровительством»⁶⁶. Рукопись, вызвавшая столь презрительный и высокомерный отзыв царицы, в библиотеках и архивах СССР не обнаружена.

Французские ученые приводят также отрывок из адресованного дочери Дидро письма Ж.-А. Нэжона от 3 августа 1786 г., который, подготавливая посмертное издание трудов метра, писал: «У меня нет также „Замечаний“ на Кодекс, или скорее на Инструкцию. Екатерины II относительно законов. Этот труд, который я читал и подлинник которого у Дидро украл князь Голицын, взломав, как вор с большой дороги, его сундуки, заслуживает упоминания. Я хотел бы дать о нем некоторое представление, но у меня его нет, как и многих других сочинений, о которых Дидро мне сотни раз говорил, но никогда не передавал»⁶⁷. Это свидетельство было повторено и в «Воспоминаниях» Нэжона, изданных в 1821 г.⁶⁸

Для П. Верньера, а вслед за ним и для комментаторов переписки Дидро все эти данные служат основанием для следующих выводов. «Замечания» были составлены в Гааге до 13 сентября 1774 г., т. е. до дня, когда Дидро впервые написал о них Екатерине II. Через 34 дня из Парижа философ снова сообщил царице о своем сочинении, ибо был смущен ее молчанием по поводу первого своего послания. Утверждение Нэжона о краже подлинника Д. А. Голицыным не подтверждается никакими другими источниками, но ему нужно верить, поскольку, возможно, оно основано на рассказах самого Дидро. Подкрепив неподтвержденное свидетельство Нэжона предположением, которое само требует и не находит доказательств, П. Верньер и его коллеги утверждают затем, что кража могла произойти в последнюю неделю сентября 1774 г. и стала, по всей вероятности, причиной охлаждения дружеских чувств между Д. Дидро и Д. А. Голицыным. Философу удалось каким-то образом спасти копию драгоценной рукописи: она послужила основой для составления других копий, одна из которых и была послана дочерью Дидро Екатерине II. Рукописи нет в хранилищах СССР, значит, полагают упомянутые французские специалисты, Екатерина II уничтожила ее. В 1899 г. М. Турпе опубликовал начало «Замечаний», в 1963 г. П. Верньер включил их в полное академическое издание политических трудов философа.

Большинство этих выводов спорно. Отметим, что повторное сообщение Дидро не могло быть его реакцией на молчание царицы. К 17 октября ответ на письмо от 13 сентября не мог быть им получен. В те времена, как уже говорилось, почта от Гааги до Петербурга шла 17—20 дней, а от Петербурга до Парижа — еще дольше. Дидро прекрасно знал об этом: он получал в Париже множество писем из русской столицы, например от

⁶⁵ РИО, т. 23, с. 520, 526.

⁶⁶ Там же, с. 372—373.

⁶⁷ Цит. по: *Diderot D. Oeuvres politiques*, p. 335.

⁶⁸ *Naigeon J.-A. Mémoires historiques et philosophiques sur la vie et les ouvrages de D. Diderot*, P., MDCCCXXI, p. 356.

Фалькопе, и прожил семь с лишним месяцев в русском посольстве в Гааге. Почему же все-таки он решил повторить свое сообщение? Прочитаем отрывки в контексте, из которого они извлечены. «Ваше Величество, может быть, скажете, что я ужасно памятливы,— писал Дидро 13 сентября.— Ведь я хорошо помню данное мне позволение посылать Вам те небольшие труды — хорошие и плохие,— которые я успею еще написать. Они отмечены печатью старости автора. Но ничего не поделаешь. Некоторые из них появились в Гааге». Далее упоминаются «Маргиналии монарха на историю императоров», «Диалог между маршалом и Дидро», «Замечания на „Наказ“» и говорится: «Я очень боялся, как бы не сбылось мое предсказание о том, что в Риге я вновь обрету дрянную робкую душонку, которую я там оставил, и что я снова стану трусливым по мере того, как буду отдаляться от Вашего дворца и приближаться к резиденции генерального прокурора»⁶⁹. Последняя фраза не только любезность, но и уверение в том, что робость не вернулась и что ему хватило духа написать три упомянутых сочинения.

Контекст парижского письма, отправленного 17 октября, иной: «Я хорошо знаю, что Ваше Императорское Величество позволило мне посылать Вам все мои небольшие труды, которые я успею написать, и я действительно собирался испытывать Ваше терпение. Но должен известить Вас, что бедную душонку, слабую и жалкую, оставленную в Риге, я вновь нашел и имел глупость сделать своей». Далее следует повторное сообщение, что Дидро «перечитал „Наказ“» и «осмелился набросать к нему несколько размышлений». «Маргиналии...» и «Диалог...» не упоминаются. Таким образом, из парижского письма выясняется, что Дидро не осмелился послать Екатерине II из Гааги сочинения, названные в письме от 13 сентября. Он поступил так, ибо снова обрел робость, оставленную некогда в Риге на пути в Петербург. Следовательно, вторичное уведомление вызвано не беспокойством по поводу молчания Екатерины II, а желанием объяснить, почему она не получила того, что ей было обещано. Почти через семь лет, 25 августа 1781 г., Дидро объяснил одну из причин своего «малодушия». «Помню,— писал он все той же Екатерине II,— что среди доводов, с помощью которых Вы старались удержать меня при своей особе, выдвигался и следующий: повседневные текущие дела поглощают все Ваше время; имея меня рядом с собой, Вы бы мне поручали размышлять над различными текстами, связанными с законодательством. Несмотря на Ваши глубокие знания умов и талантов, я искренне убежден — осмелюсь Вам это высказать,— что обо мне Вы были слишком хорошего мнения и что то дело, которое Вы намеревались мне поручить, потребовало бы гения Монтескьё. Кто, кроме него, способен породить мысль, достойную раздумий Екатерины II. Но его уже нет, этого Монтескьё, а преемник заставит себя долго ждать»⁷⁰.

Не способствовал ли Д. А. Голицын усилению этой робости и этих сомнений? Нам кажется, что, узнав о намерении Дидро, русский князь стал убеждать друга не делать этого, ибо, во-первых, не разделял выраженных в этих сочинениях мыслей, а во-вторых, мог не без оснований предполагать, что они будут весьма отрицательно приняты и царицей и ее окружением, а это не принесет добра ни Дидро, ни ему самому, русскому послу в Гааге, в чьем доме они были написаны. Объяснения на эти темы могли быть достаточно бурными и для каждого из спорящих достаточно обидными. Намеки на это содержит, как нам кажется, письмо Гримма А. Голицыной от 28 апреля 1775 г.: «Так приятно,— писал он в этом очень трудном для понимания письме,— проявить уважение к тем, кого несправедливо подозревали, что, как я надеюсь, один-единственный шаг в их сторону вознаградит Вас за четыре месяца напрасных терзаний. Судя по тому, что Вы пишете об этом 60-летнем ребенке, который, сам того не желая и не ведая, что творит, вознамерился причинить столько зла, Вы

⁶⁹ РИО, 1884, т. 30, с. 520.

⁷⁰ Там же, с. 531—532.

после меня (я хочу этому верить) самый справедливый человек на земле... Вы мудро посоветовали князю опустить все это в письме к философу. Чем больше он старался бы разубедить его, тем меньше бы достиг. Храня молчание, он лучше разубедит его или заставит все забыть, а это одно и то же. Дидро ни разу не заговорил об этом после своего возвращения и, не услышав напоминаний из Гааги, очень скоро не будет знать ни того, чему верил, ни того, чему не верил. Впрочем, с некоторых пор он выглядит лучше, почти как всегда, как выглядят обычно в его годы»⁷¹.

Дошло ли дело до того, как утверждал Нэжон, что Д. А. Голицын выкрал подлинник «Замечаний» (а также «Маргиналии...» и «Диалог...»), взломав дорожные сундуки Дидро? Философ ни разу никому (если судить по опубличованным его сочинениям), даже Екатерине II в письме от 17 октября 1774 г., ничего не сказал об этом варварском акте, хотя мог поступить так, если бы он имел место. Об ограблении отца в Гааге его давним покровителем, другом и гостеприимным хозяином ничего не говорит и мадам Вандель в своих «Воспоминаниях», хотя уже в 1786 г. она прочитала об этом в письме Нэжона. Этого обвинения нет также ни в одном из томов собрания сочинений Дидро, которое было подготовлено Нэжоном и издано в 1798 г., т. е. еще при жизни Д. А. Голицына; появившись в 1786 г. в частном письме Нэжона, оно было предано гласности лишь в 1821 г. в его «Мемуарах», когда в живых не было ни Дидро, ни Голицына, ни Нэжона.

В спорах с Дидро после 13 сентября Голицын добился главного: гость решил не посылать из его дома ни обидных для Екатерины II «Замечаний», ни других опасных политических сочинений. Зачем же князю или его сотрудникам понадобилось совершать кражу со взломом? Было бы полнейшей нелепицей и бессмысленным риском присваивать то, что Дидро собирался посылать самой императрице. Из-за медлительности тогдашней почты он не мог получить на сей счет никаких повелений всероссийской самодержицы. Екатерина II узнала о существовании «Замечаний» на свой «Наказ» лишь 30 сентября 1774 г., после отъезда Дидро из Гааги. В тот день она писала Гримму: «Я получила длинное послание Дидро, на которое нужно отвечать. Приветствуйте его, пожалуйста, от моего имени. Послушайте, мне не дают времени ответить Вам. Меня отрывают каждую секунду»⁷².

Важно отметить, что после отъезда Дидро на родину его отношения с Д. А. Голицыным не прерывались. Более того, философ стремился поддерживать их. 4 мая 1775 г. Голицын писал известному коллекционеру Троншону: «Господин Дидро сообщил мне из Парижа, что купил для меня эскиз Микеланджело. Я удивлен, что он не показал его Вам. Прошу Вас о милости взглянуть на этот эскиз и передать мне Ваше мнение»⁷³.

Свидетельство Нэжона не соответствует ни облику Д. А. Голицына как ученого, ни характеру его многолетних деловых, творческих и дружеских связей с Дидро, ни той ситуации, которая могла сложиться в его доме в сентябре 1774 г., ни его отношениям с другими выдающимися просветителями; оно не может быть принято на веру и нуждается в очень основательной проверке. Для этого необходимы специальные исследования о Д. А. Голицыне, его роли в европейском просвещении и взаимоотношениях с Нэжоном.

Однако из письма Дидро Екатерине II от 17 октября и без того ясно, что, приехав из Гааги в Париж с каким-то текстом «Замечаний», он снова перечитал «Наказ» и набросал свои размышления. Видимо, он занимался этим и в последующие годы, когда и подготавливал к печати Полное собрание сочинений, наняв в 1780 г. целую артель переписчиков для изготовления двух его макетов — одного для М. М. Рея, второго для кого-нибудь из российских издателей⁷⁴. Следовательно, «Замечания», составленные в

⁷¹ Цит. по: *Diderot D. Corr.*, vol. 14, p. 136—137.

⁷² РИО, т. 23, с. 8—9.

⁷³ Цит. по: *Diderot D. Corr.*, vol. 14, p. 138.

⁷⁴ *Vernièr P. Op. cit.*, p. 8—9.

Гааге до 13 сентября, могли быть лишь первой редакцией того сочинения, которое нам известно по публикациям XIX и XX вв. Не отправив по настоянию Д. А. Голицына начальный вариант в Петербург, Дидро увез его подлинник или копию в Париж и продолжал над ним работать. После 17 октября он не напоминал Екатерине II о своих «Замечаниях» и не публиковал их, хотя к концу жизни и располагал по меньшей мере пятью несколькими отличающимися друг от друга экземплярами рукописного текста «Замечаний». Только один из них после смерти Дидро вместе с его библиотекой и рукописями иных сочинений⁷⁵ был послан в Петербург и получил в письме Екатерины II Гримму от 22 ноября 1785 г. отрицательный отзыв. Четыре других манускрипта стали собственностью мадам Вандель — дочери философа⁷⁶.

Таким образом, независимо от того, распорядилась или не распорядилась Екатерина II уничтожить присланную ей «Тетрадь», «Замечания» могли быть опубликованы дуплеприказчиками Дидро. Нэжон знал о существовании «Замечаний», читал их, просил в августе 1786 г. мадам Вандель помочь ему в поисках рукописи, но, по всей вероятности, не встретил ее сочувствия: этого сочинения нет в издании 1798 г. Кто знает, не выполнила ли Анжелика Вандель волю умершего отца?

Отказ Дидро и его дочери от публикации «Замечаний», несомненно, вызван также пониманием того, что они содержат слишком смелые мысли и могут обидеть царствующую особу, отношениями с которой философ дорожил не только до поездки в Гаагу и Петербург, но и после нее. Любопытно отметить, что в начале 80-х годов «Наказ» привлек внимание будущего лидера жирондистов Бриссо. Уже в первом томе своей «Философской библиотеки законодателя, политика и юриста» он характеризовал его как «шедевр разумности и человечности», а в третьем — перепечатал московское издание 1767 г.⁷⁷ со своим предисловием и обширными комментариями. «Замечания» Бриссо в целом весьма положительны, но в ряде существенных случаев (цель политики государства, безопасность граждан, права дворянства и др.) достаточно критичны⁷⁸. Знал ли Дидро об этой публикации? Повлияла ли она на судьбу его «Замечаний»? В рамках дальнейшего изучения истории социально-политических трудов Дидро эти вопросы, несомненно, привлекут внимание.

Нелегкие беседы по поводу задуманного Дидро отправления Екатерины II трех его социально-политических трудов, в том числе «Замечаний на „Наказ“», конечно же, способствовали ослаблению давних уз, связывавших Дидро и Голицына. Однако охлаждение в их отношениях началось раньше сентября 1774 г. Первые тревожные нотки прозвучали в письме Дидро к супруге в октябре 1773 г.: «Я напишу князю о деле Менижо. Его небрежность меня огорчает*. Он проделал со мной еще одну шутку. Покидая Гаагу, я отдал ему мои деньги. Его брат должен был вернуть их мне в Петербурге, но подвел меня. Не могу тебе передать, как меня шокировало поведение его брата. Я еще не писал князю. Жду, пока немного успокоюсь»⁷⁹. Издатели переписки Дидро объясняют, что Ф.-Г. Менижо — французский художник и что в письме мог подразумеваться не обязательно он, а какой-то его однофамилец. Однако и после этих объяснений остается неясным, что же случилось с человеком, носившим это имя? Какое отношение к нему имели Дидро, его семейство и Д. А. Голицын?

⁷⁵ *Tourneau M.* Op. cit.; *Dickmann H.* Observations sur les manuscrits de Diderot conservés en Russie.— In: *Diderot Studies*. Genève, 1963, vol. 4; *Vernière P.* Op. cit.; *Бун О. И.* Указ. соч.; *Павлова Ж. К.* Указ. соч.; *Альбина Л. Л.* Указ. соч.

⁷⁶ *Dickmann H.* Inventaire du Fond de Vandeul. P., 1963; *Vernière P.* Op. cit.

⁷⁷ [*Brissot J.-P.*] Bibliothèque philosophique du législateur, du politique, du juriste-consulte. Vol. 1—3. B., 1782—1783. vol. 1, p. XXXI; vol. 3, p. 3—233.

⁷⁸ См. комментарий Бриссо к 13, 28 и 258-й статьям «Наказа».— *Ibid.*, vol. 3, p. 38, 43, 122—123.

* Видимо, мадам Дидро или кто-то из близких философа просили Д. А. Голицына оказать Менижо какую-то услугу, а тот не откликнулся на эту просьбу.

⁷⁹ *Diderot D.* Corr., vol. 13, p. 82.

В чем состояла небрежность? Как закончилась история с деньгами Дидро? Попытаемся предложить ответ лишь на один из этих вопросов. Из всех многочисленных родственников Д. А. Голицына ближе всех ему был А. М. Голицын, вице-канцлер Российской империи. Он, видимо, и обязан был вернуть Дидро деньги. Судя по дружеским письмам философа вице-канцлеру⁸⁰ и весьма лестным его отзывам о русском вельможе⁸¹, долг был возвращен, хотя и с некоторым опозданием. Но этот кратковременный инцидент, а также невыясненная пока «небрежность» Д. А. Голицына в «деле Менижо» оставили, несомненно, неприятный осадок и у Дидро, и у его давнего друга.

Вернувшись из Петербурга в Гаагу, Дидро был не совсем откровенен с Д. А. Голицыным. В письме вице-канцлеру от 8 апреля российский посол с некоторой досадой заметил: «Все, что [Дидро] говорил об уме, достоинствах и добродетелях ее императорского величества, не было для меня откровением. [Видимо], он не мог сообщить мне никаких подробностей [он что-то скрывал], никто не знает и не чувствует его лучше, чем я. Он очень тронут милостями, которыми она его осыпала, и огорчен тем, что ему не удалось стать ей полезным хотя бы в чем-то. Его глубоко взволновала Ваша, князь, доброта к нему; он говорил об этом весьма и весьма красноречиво. Я чрезвычайно обязан Вам; Вы знаете, с каким участием я отношусь к этому достойному человеку»⁸². По всей вероятности, Дидро не раскрыл Д. А. Голицыну подробностей своих бесед с Екатериной II, хотя во время первого своего пребывания в Гааге, готовясь к встречам с ней, не раз, можно полагать, обращался к другу за разъяснениями и советами. Подобная скрытность, конечно же, обидела Д. А. Голицына: он имел основания ждать полного доверия. Однако к молчанию Дидро он отнесся терпимо и сохранил к нему добрые чувства.

Если судить по бесцеременному посланию Гримма княгине А. Голицыной от 11 декабря 1774 г., то между Дидро и Д. А. Голицыным могли возникнуть какие-то сложности на личной почве. Гримм загадочно писал: «Я не скоро забуду тот день, хотя за него /.../ Вам должен быть признателен наш философ /.../ Представляю, как заброшен клавиесин со времени нашего отъезда. Вы оставили его, но любите не меньше, чем прежде; этим философ потчует меня со времени моего возвращения. Не знаю, пишет ли он Вам чаще, чем видит своих друзей. В отместку я часто беседую о Вас с бароном Гольбахом»⁸³. Гримм, несомненно, ревновал Голицыну к Дидро. Трудно сказать, имел ли он основания. Письмо Гримма написано так, что читателю нелегко понять, кого любила Голицына, клавиесин или философа. Если клавиесин, то почему Дидро заговорил об этом со своим приятелем, как только тот приехал в Париж? В письмах Дидро даже к Софи Волан содержатся восторженные отзывы об уме, талантах, привлекательности и образе жизни юной супруги русского посла в Гааге⁸⁴. «Княгиня, — писал он в конце апреля — начале мая 1774 г., — ведет жизнь, несовместимую с ее молодостью, живостью ума и с легкомыслием, присущим ее возрасту. Она мало выезжает, почти не принимает гостей, изучает с преподавателями историю, математику и языки, весьма поспешно уезжает с больших дворцовых приемов, чтобы не опоздать на уроки, занимается собой, чтобы нравиться мужу, сама заботится о воспитании детей отказалась от дорогих нарядов, ложится и просыпается рано; моя жизнь подчинена распорядку дома, в котором я живу.

Мы развлекаемся тем, что спорим, как черти; я не всегда разделяю

⁸⁰ От 25 ноября 1773 г. и 31 мая 1774 г. — Ibid., p. 114; vol. 19, p. 28—33.

⁸¹ См. письма Д. А. Голицына А. М. Голицыну от 8 и 12 апреля 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1124, л. 50а, 51; письмо Дидро Клерку от 8 апреля 1774 г. — *Diderot D. Corr.*, vol. 13, p. 217. В последнем говорилось: «Как поживает вице-канцлер? Не напомните ли Вы ему обо мне? Это один из самых благородных и любезных людей не только в России, но и во всем мире».

⁸² ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1123, л. 50а.

⁸³ Цит. по: *Diderot D. Corr.*, vol. 14, p. 117.

⁸⁴ Д. Дидро — мадам Элине, 22 июня 1773 г., Д. Дидро — С. Волан, 22 июня 1773 г. — Ibid., vol. 13, p. 32, 36.

взгляды княгини, хотя оба мы пылкие антикоманы, а князь, видимо, задался целью противоречить нам во всем: Гомер — болван, Плиний — отъявленный дурак, китайцы — самые благородные люди на свете и т. д. и т. п. Поскольку все они не братья нам и не близкие друзья, то высказывается он так лишь ради веселья, живости беседы, шуток, хотя с некоторой долей свойственного ему самолюбия. Князь, ставший обладателем стольких картин, более склонен согласиться, что ничего в них не смыслит, чем признать за каким бы ни было любителем способность верно судить о них»⁸⁵. Письмо позволяет говорить о восхищении Дидро Голицыной и легком раздражении ее супруга против них обоих, о некоторой неприязни гостя к своему старинному другу и о каких-то расхождениях между философом и хозяйкой дома. Дидро, несомненно, был увлечен столь незаурядной женщиной, князь замечал это и злился, гость не оставался в долгу. По всей вероятности, Голицына не питала к Дидро никаких нежных чувств, хотя, судя по письму Гримма, в какой-то день и была с ним излишне любезна, что могло усилить пылкость Дидро, ревность Гримма и Голицына.

Сколько ни важны приведенные соображения, главная причина ослабления связей Дидро и Голицына — нарастающее расхождение их общественно-политических взглядов. Сочинения Дидро, созданные во время и после путешествия в Россию, свидетельствуют о его настойчивых попытках переосмыслить устоявшиеся, «общезначимые» представления века Просвещения о естественном праве и равенстве, разумно организованном и разумно управляемом обществе, просвещенном абсолютизме и монархе-философе, о мирных и постепенных социальных преобразованиях. Автор все более и более проникался идеями народного суверенитета и допустимости революции как крайнего средства борьбы с деспотизмом⁸⁶.

Подобная тенденция была чужда Д. А. Голицыну. Он не избегал общего поправления российского и европейского дворянства в 70-х годах XVIII в. Князя Голицына напугала крестьянская война в России; он без особого возмущения писал в то время о преследованиях во Франции. Русский посол в Гааге 8 июня бесстрастно сообщал вице-канцлеру: «В письме, полученном мной от очень надежного и знающего человека /.../, четырьмя словами изображен юный король (Людовик XVI): он обольстителен, набожен и бережлив. К этой характеристике добавлено: он понуждает заключать в тюрьмы философов и писателей; их преследования начались»⁸⁷. Крестьянская война постоянно занимала мысли Д. А. Голицына. 28 октября, т. е. уже после возвращения Дидро в Париж, он писал: «С огромным нетерпением жду подтверждения о захвате главаря разбойников с большой дороги Пугачева. Ведь речь идет о завершении этого злощастного дела и установлении окончательного мира»⁸⁸.

Князь поправал, но не стал воинствующим реакционером. Создается впечатление, что он старался уйти от острых общественных проблем. В его письмах вице-канцлеру 70-х — начала 80-х годов постепенно исчезают общие рассуждения о социально-политических вопросах, тревожные мысли о положении и судьбах русского крестьянства, «последние новости» о жизни «литературной республики». Научные интересы Д. А. Голицына сосредоточились в то время на проблемах электричества, физической географии, минералогии, философии природы⁸⁹. В последнем случае он защи-

⁸⁵ Д. Дидро — С. Волац, конец апреля — начало мая 1774 г. — Ibid., vol. 14, p. 15—16.

⁸⁶ Кроме трудов П. Верньера, см.: *Strugnell A. Diderot's Politica: A Study of the Evolution of Diderot's political Thought after the Encyclopedie*. The Hague, 1973.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1124, л. 122.

⁸⁸ Там же, л. 198.

⁸⁹ *Gallitzin D. Lettre sur quelques objets d'Electricité, adressée à l'Académie Imperiale des Sciences de St. Petersburg*. Petersburg; La Haye, [1778]; [Голицын Д. А.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб., 1785; *Gallitzin D. Traité ou description abrégés et methodique des mineraux*. Maestricht, 1792; *Idem. Défance de Mr. Buffon contre les attaques injustes et indécentes de M. Deluc et Sage*. La Haye, 1793.

щал материалистическую концепцию Бюффона, не расходясь в решении общеполитических вопросов ни с Гельвецием, ни с Дидро.

Не разделяя социально-политических идей Дидро 70-х годов, Д. А. Голицын до конца жизни оставался верен общим принципам века Разума. В этом смысле показательны и «Защита Бюффона», и опубликованные им сочинения Фальконе⁹⁰, и особенно последняя его крупная работа «О духе экономистов»⁹¹. На склоне лет этот покровитель, друг и сотрудник французских просветителей, этот свидетель гигантских революционных потрясений конца XVIII в. выступил с книгой, пытаясь оправдать всех просветителей от обвинений в том, что их идеи породили французскую революцию. Решительный противник революции как средства решения социальных проблем, Д. А. Голицын утверждал, что принципы Просвещения разумны, хороши, чисты и нетленны и что их творцы не несут — не могут нести — никакой ответственности за эксцессы революционной эпохи.

Недавние веб-публикации:

Б.Райский. Дидро и братья Нарышкины. Страницы

из истории французско-русских культурных связей

http://vive-liberta.narod.ru/journal/diderot_fe-82.pdf

Л.Светлов. Русские переводы произведений Дидро

http://vive-liberta.narod.ru/journal/diderot-2_fe-65.pdf

П.Алатри. Неизвестная работа Дидро

http://vive-liberta.narod.ru/journal/diderot-1_fe-65.pdf

Г.Якушева. «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера

в литературной борьбе Франции конца XVIII в.

/ Великая французская революция и литературная жизнь Европы

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/Lit1.pdf>

Л.Альбина. Новое о Дидро

http://vive-liberta.narod.ru/journal/diderot-1_fe-84.pdf

В работе:

А.Черников. Дидро в Петербургской академии наук

В.Люблинский По следам чтения Дидро

М.Разумовская. «Путешествие» Бугенвиля. «Дополнение

к "Путешествию Бугенвиля» Дидро и проблема

естественного права во Франции второй половины XVIII века

М.Штранге. «Энциклопедия» Дидро и ее русские переводчики

Все материалы о Дидро

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#DD>

другие работы Г.С.Кучеренко

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kuch>

⁹⁰ *Falconet E. Oeuvres. Statuare, contenant plusieurs écrits relatifs aux beaux-arts. Lorraine, 1784.*

⁹¹ *Gallitzin D. De l'esprit des économistes ou les économistes justifiés d'avoir posé, par leur principes les bases de la Révolution Française. Brinsvick, 1796.*